

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТУРЫ ПОЛЬСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XX в.¹

И.В. Чернова

На основе полевых этнографических материалов и похозяйственных книг сельских советов некоторых районов Омской, Новосибирской и Томской областей охарактеризован ряд элементов материальной и духовной культуры польского населения Западной Сибири, степень и причины их сохранности/трансформации в ходе социально-культурной и экономической адаптации польских переселенцев к сибирским условиям на протяжении XX в.

Поляки Западной Сибири, материальная и духовная культура, хозяйство, адаптация.

К настоящему времени достаточно подробно освещены сюжеты, связанные с историей и культурой поляков дореволюционного периода, исследованы проблемы этнической идентичности поляков Западной Сибири, а также создан корпус работ, посвященных спецпереселениям. При этом механизмы социально-культурной и хозяйственной адаптации польского населения к новым, сибирским условиям большинство авторов рассматривают применительно к XIX — первой четверти XX в., оставляя за рамками советский период [Крих, 2012; Мулина, 2012; Шайду-ров, 2013]. Это связано как с особенностями источниковой базы, так и со сложностями в определении границ группы польских переселенцев в XX в. из-за процесса «обрусения» поляков в западно-сибирском регионе. Его основные причины, по мнению ряда исследователей, следует искать не только в распространении смешанных браков в послевоенное время, но также в неизбежной унификации традиционной культуры, невозможности долгое время удовлетворять религиозные потребности из-за отсутствия поблизости католического храма, утрате знания польского языка [Восток России..., 2011; Крих, Скуратович, 2005; Масленников, 2003]. Именно поэтому в рамках анализа происходящих в XX в. в среде польского населения Западной Сибири этнокультурных и этносоциальных процессов требуется привлечение материалов этнографических экспедиций.

В основу данного исследования положены интервью, собранные в 2011–2013 гг. в рамках экспедиционных поездок к полякам Омской, Томской и Новосибирской областей, а также Казахстана. Для комплексной оценки имеющейся информации мы использовали не только интервью с потомками поляков, но и воспоминания жителей близлежащих населенных пунктов, относящихся к иным этническим группам (в основном это русские, белорусы, немцы). Характеристика некоторых элементов культуры была дополнена информацией из похозяйственных книг сельских советов за 1930–2000-е гг.

Беседы с респондентами строились по тематическим опросникам, охватывающим темы общности (семейной и календарной), истории населенных пунктов, материальной культуры, религии. При их разработке за основу были взяты методики, апробированные при изучении славянского и немецкого населения, которые в дальнейшем адаптировались к региональным и этническим особенностям поляков Западной Сибири. Этнографические материалы были собраны в д. Деспотзиновке Саргатского района Омской области, в Знаменском (дд. Поляки, Никольское, с. Слобода), Шербакульском (с. Максимовка), Одесском (сс. Одесское, Лукьяновка) и Тарском (д. Минск-Дворянск) районах Омской области, в Кыштовском (д. Тынгица и с. Колбаса) и Колыванском (с. Пихтовка и г. Колывань) районах Новосибирской области, в Кривошеинском районе Томской области (с. Белосток), а также в г. Омске. В настоящее время дд. Поляки и Минск-Дворянск уже не существуют, так как их жители разъехались в 1960-е гг. В д. Тынгица на момент экспедиции 2012 г. проживало 3 семьи. В связи с этим нами были опрошены жители соседних сел, а также проведена дополнительная работа по сбору материалов, освещающих жизнь и быт населения уже исчезнувших населенных пунктов в местных муниципальных архивах и краеведческих музеях.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-31-00214а1 «История и культура поляков Западной Сибири в XVIII–XX вв.».

Обследование затронуло две группы польского населения — потомков добровольных переселенцев XIX — первой половины XX в. и вынужденных переселенцев 1930–1950-х гг. (часть из них родились и выросли внутри польской диаспоры на территории Северного Казахстана, а в 1990-е гг. по разным причинам переехали в Омскую и Новосибирскую области).

Первым шагом стало обозначение маркеров польской культуры и выяснение механизмов ее трансляции. Если в XIX — начале XX в. доминирующую роль здесь играл польский язык, то начиная с 1930–1940-х гг. он все реже используется на уровне бытового внутрисемейного общения, а затем в воспоминаниях информантов уступает место другому маркеру польской идентичности — отправлению религиозных обрядов. Исследователи, занимающиеся сибирской полонией, объясняют эту трансформацию «русификацией», превалярованием иноэтничного окружения, государственной политикой расселения [Масленников, 2003, с. 140; Красильников и др., 2010, с. 211–249].

В этой связи можно привести в пример д. Деспотзиновку Саргатского района Омской области. Здесь, как отмечают некоторые из информантов, их родственники знали польский язык, а в середине 1930-х гг. в деревне проживал специально приглашенный учитель польского языка, звали его Владислав, но его ученики (наши информанты), рожденные в конце 1920-х гг., польскому языку обучены так и не были. Лишь 2 человека из опрошенных указали, что их самих родители учили польскому языку. Молитвы на польском языке знает только один из жителей деревни, он же упомянул, что на польском общались между собой его родители [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 1, л. 8, 11, 14]. Большая же часть современных жителей деревни польского языка не знают и поляками себя не считают [Крих, 2012].

В д. Тынгица Кыштовского района Новосибирской области прослеживается аналогичная ситуация. Информантов, которые родились в начале 1940-х гг., родители научили молиться по-польски, но в быту польский язык не употреблялся, поэтому смысл молитв информантам непонятен: «переведи, говорят, а мы не понимаем» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1, л. 40].

Католицизм как важный элемент польской идентичности также претерпевает изменения. Источники свидетельствуют, что в населенных пунктах, которые находились на отдаленном расстоянии от церкви, постепенно часть церковных функций (исполнение треб, например) перешла к семье и общине. В дальнейшем, в период гонений на церковь, этот механизм использовался для сохранения религиозной специфики. Подобная стратегия поведения не уникальна, в Сибири ее жизнеспособность и эффективность была доказана, например, старообрядцами. У поляков она привела к сохранению лишь внешних атрибутов католичества. Практически повсеместно у польского населения Западной Сибири дома можно обнаружить католические иконы.

В уже упоминаемой д. Деспотзиновке многие из потомков поляков отмечали, что ранее основные религиозные обряды отправляли пожилые женщины [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 1, л. 8, 11, 14]. Аналогичная ситуация фиксируется и в группе поляков-спецпереселенцев 1930–1940-х гг., указывающих, что до 1990-х гг. «молитвы читали дома... Женились без “шлюба” (венчания)» [Там же, л. 35].

Важным фактором, повлиявшим на формирование и трансформацию культуры поляков, стали межэтнические браки, получившие широкое распространение и в XIX в., и в начале 1950-х гг. Однако принципы выбора брачных партнеров различались в указанные периоды. В XIX — начале XX в. актуальными были браки с сибирячками, помогавшие адаптироваться в новой среде [Мулина, 2012, с. 137–139]. При этом вплоть до начала 1930-х гг. польское сообщество, в основном выходцы из некрестьянских групп, пыталось их ограничивать. Одна из жительниц д. Минск-Дворянск Тарского района Омской области вспомнила несколько сюжетов: «мама моя была русской, так родня папы (это была его третья жена) говорила: “Отвези ты, ..., эту гадовку, назад”... Приходили поляки и плевали на маму» (описаны события 1930-х гг.) [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1, л. 30 об.].

Начиная с 1940-х гг. межэтнические браки стали актуальны, так как позволяли выжить/не выделяться в условиях проводимой государственной политики. Этот механизм прослеживался у всех групп польского населения наравне со сменой этнической принадлежности в документах [Крих, Скуратович, 2005; Крих, 2012]. При выборе брачных партнеров поляки Западной Сибири ориентировались на белорусов и русских, реже — украинцев, встречались также браки с представителями других групп: к примеру, есть упоминание о браках с чувашами. Несколько иная ситуация наблюдалась в районах Северного Казахстана, где на территории Северо-Казахстанской, Акмолинской, Карагандинской и Костанайской областей тесно соседствовали немецкая,

О некоторых особенностях культуры польских переселенцев Западной Сибири в XX в.

польская и украинская диаспоры. Поляки здесь при выборе брачных партнеров отдавали предпочтение близким по культуре и религии немцам.

В Сибири же польско-немецкие брачные связи были редким явлением, так как в период 1930–1960-х гг. это было опасно. В похозяйственных книгах с. Пихтовка Колыванского района Новосибирской области за 1946–1948 гг. зафиксирована единственная семья, глава которой — поляка, муж главы — немец, внук главы — русский. Изменение национальной принадлежности мальчика при сохранении фамилии, скорее всего, было вынужденным шагом. Подобный механизм защиты широко использовали спецпереселенцы независимо от своего статуса.

Характеризуя особенности семей поляков, заметим, что польские семьи 1920–1960-х гг. отличались многодетностью, нередко в них насчитывалось по 5–9 детей. Об этом свидетельствуют и данные генеалогий, собираемых в ходе этнографических экспедиций, и материалы похозяйственных книг, и статистическая информация. Так, в д. Поляки Знаменского района Омской области на протяжении 1937–1978 гг. около 50 % семей имели 4–6 детей, в 25 % семей было по 2–3 ребенка, в остальных случаях это были семьи, где дети повзрослели и отделились от родителей [ТФ ИсаОО, ф. 60, оп. 1, д. 21, л. 29–63; д. 95, 16 л.; Похозяйственная книга Завьяловского сельского совета (1976, 1977, 1978 гг.). д. Поляки]. В д. Гриневичи в 1940–1977 гг. фиксируется схожая ситуация [ТФ ИсаОО, ф. 512, оп. 3, д. 194, 52 л.; д. 195, 24 л.; д. 77, 61 л.].

Большое количество детей — характерный признак периода 1920–1960-х гг. У поляков важную роль в этом сыграли два обстоятельства — строгое воспитание, связанное с неприятием аборт, и продолжение крестьянских традиций, когда большое количество детей приравнивалось к большому числу рабочих рук. Женщины, с которыми мы беседовали, довольно часто повторяли такую фразу: «Грех на душу не брала, аборт не делала» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1, л. 34, 36, 37 об.–38].

Добрачные половые отношения и внебрачные беременности осуждались и строго наказывались, но при возникновении такой ситуации ребенка обычно сохраняли. Несколько информантов вспомнили подобные случаи: «...Забеременела, отец ее из дома выгнал, только что не убил, жила у сестры с дитем, потом простил, но вот замуж она так и не вышла. Жила потом с отцом, люди его корили за то, что он в нее стрелял, а она с ним до смерти жила... Если была одна такая на всю деревню... Фамилию и отчество давали по отцу матери»². «Я сама “дочь целины”... Мама родила меня вне брака, папа потом уехал к себе на родину, хотел меня с мамой забрать, а бабушка (мать матери) не отпустила... Так что записана я на мамину девичью фамилию...»³.

Черты традиционного воспитания прослеживаются и в рамках внутрисемейных отношений — почти все информанты родителей и старших членов семьи всегда называли на «Вы». Одна из жительниц с. Одесское Омской области рассказала, что родня мужа — украинца постоянно укоряла ее за «неправильное» воспитание детей: «Как так может быть, чтобы отца называли на «ты» или по имени, а мать всегда на «Вы»?... Дети же видят, как я общаюсь со своей матерью, и все впитывают... У нас, поляков, так принято», — замечает информант [МЭЭ ОмГУ 2013, п.о. 1].

Помимо социализации и семейных традиций, связанных с воспитанием, важным элементом семейной обрядности является погребальный обряд. Именно он длительное время служил маркирующей чертой в традиционной культуре польского населения Западной Сибири. В ряде населенных пунктов сохранились «польские» кладбища.

Одно из «польских» кладбищ было обнаружено в Деспотзиновке. Видимо, на нем хоронили не только поляков, но всех католиков: на памятниках встречаются немецкие и литовские фамилии. Наиболее распространенным типом намогильных сооружений здесь были четырехконечные кресты, получившие в Сибири название католических. Часть из них выкрашена в черный цвет, почти на всех укреплены распятия и фотографии покойного с указанием годов жизни. Однако большинство надписей выполнены на русском языке, что подкрепляет вывод об интегрированности в русскоязычное сообщество. Кроме крестов широко распространены пирамиды, сваренные из металлического прута, а также плиты и памятники из камня. Некоторые из них имеют надписи на польском языке. На ряде могил деревянные кресты и каменные памятники соседствуют друг с другом, являя собой симбиоз традиционных «польских» норм и современных, унифицированных правил и традиций обустройства и ухода за могилами.

² Записано в 2012 г. в с. Максимовка Шербакульского района Омской области. Описанная ситуация произошла в д. Зеленый Гай Красноармейского района Кокчетавской области, примерно в середине 1940-х гг.

³ Информант 1956 г.р., м/р Чкаловский район Кокчетавской области.

Подобные сюжеты обнаруживаются и в погребальной обрядности поляков и их потомков Знаменского района Омского Прииртышья и Кыштовского района Новосибирской области. Деревня Поляки Знаменского района Омской области не имела собственного кладбища, что подтверждают современные полевые материалы. Жители соседнего с Поляками с. Слобода Знаменского района Омской области вспоминают, что «...возле Виноградовки у поляцких (жители деревни Поляки Знаменского района Омской области. — *И. Ч.*) кладбище было» [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 1]. «В д. Поляки не было своего кладбища, и до 1960-х гг. покойников хоронили либо на кладбище Виноградовки, либо возили в Никольск на кладбище» [Там же]. Странная ситуация: хоронить возили за 5–8 км. Чем была обусловлена такая традиция? По всей видимости, это было связано с наличием фамильных захоронений и особенностями взаимоотношений между старожилами и переселенцами во время образования деревни. В рассказах об образовании деревни есть сюжет о покупке земли переселенцами у старожилов из с. Пушкарево [МАЭ ОмГУ, ф. I, п. 163-7, л. 7, 9]. Рассказывают также, что поляки приехали на новое место семейными кланами: «Основали деревню высланные из Польши (территория современной Западной Украины) поляки. Первыми приехали семь семей: четыре семьи братьев Козьминых (Козьма), две семьи Пшеготских и Бажуки...» [Там же].

К настоящему времени на кладбище Виноградовки сохранилось 7 погребений с надписями, кроме того, есть 2 могилы без надписей, судя по размеру крестов, детские. Намогильные сооружения — в основном деревянные кресты, характерные для православного населения. Есть также 2 могилы с металлическими обелисками (могилы А.Я. Бажук и Д.Д. Жевнерова). Из общей массы выбивается лишь крест на могиле Козьмы К.С., он самый большой из всех и по форме похож на католический крест. Из 7 обнаруженных могил половина принадлежит семье Козьма, причем даты смерти указывают на то, что захоронения здесь продолжались и после расформирования д. Поляки.

Другой пример — кладбище в почти уже разъехавшейся к настоящему времени д. Тынгица Кыштовского района Новосибирской области. Здесь имеется общее молельное место в виде большого деревянного креста с распятием, украшенным полотенцами и искусственными цветами. Его описание приведено в статье А. Назимко: «При переезде в Сибирь переселенцы привезли с собой молитвенники на польском языке и религиозные обряды исполняли согласно католическим канонам... Привезли они с собой и деревянную скульптуру Иисуса Христа. На кладбище сделали навес с крышей и полом, поставили крест из лиственницы (крест католический. — *И. Ч.*), на нем и укрепили распятие» [Назимко]. Судя по всему католическое распятие — не просто дань традиции, ведь переселенцы привезли его в Сибирь специально и сохраняли на протяжении двух-трех поколений, даже в период гонений на церковь. Встречаются упоминания об использовании его в родительский день — рядом с этим крестом молились, а затем садились за общий стол. На кладбище в этот день приносили хлеб, «яишню», блины, водку и перловую/рисовую кашу с изюмом [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1]. Есть на кладбище Тынгицы еще одно памятное место — список репрессированных в 1937 г., в котором большая часть — обладатели польских фамилий. Он был установлен потомками тех жителей деревни, которые погибли в результате репрессий.

Материалы о погребальной обрядности поляков дополняются визуальными источниками, свидетельствующими о сохранении архаичных черт в этой сфере семейной обрядности. В фотоархиве одного из жителей Тынгицы есть фото с похорон его дочери, которая умерла от кори в 1966 г. в возрасте полугода. Девочка изображена на нем в брачном венце, что говорит о бытовании отдельных элементов так называемой свадьбы мертвых, детально описанной в литературе. Этот обряд рассматривается исследователям в качестве реликта, существовавшего в Европе лишь до XIX в. [Смирнова, 2008; Народы России..., 1878, с. 62].

В Тынгице были собраны и другие сведения о бытовании архаичных общеславянских верований. Речь идет об обряде опахивания, который сохранялся и использовался в практике вплоть до середины 1950-х гг. В засуху, чтобы вызвать дождь, «собирались вдовушки (холостые женщины), расплетали косы, раздевались, впрягались в соху и пахали вокруг кладбища. Перед сохой обязательно несли икону и читали какую-то молитву. Чтобы дождь прекратился, на Троицу “городили огород”» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1]. Других подробностей информант не вспомнил, так как сам участия в обряде не принимал, а лишь наблюдал со стороны.

Семейные обряды были тесно связаны с традиционной календарной обрядностью, повествования о которой идентичны у всех групп польского населения Западной Сибири. Поляки опирались на католическую традицию, включая в число важных праздников Рождество (25 декаб-

О некоторых особенностях культуры польских переселенцев Западной Сибири в XX в.

ря), с его обязательными атрибутами — гаданием и святками; Пасху (с Пальмовым воскресеньем), а также троицкие обряды. Троицкие обряды наиболее вариативны. В северных районах в Троицу «всегда ходили на кладбище, так как она всегда приходилась на воскресенье, после (посещения. — *И. Ч.*) кладбища все располагались на полях, в бору,— всей деревней гуляли» [Там же, л. 33 об.]. Переселенцы из Казахстана вспоминали, что у них было принято праздновать летом «Зеленые сваты», в этот праздник также нельзя было работать 3 дня и обязательно нужно было сходить на кладбище [Там же, л. 38; МЭЭ ОмГУ 2013, п.о. 1]. Вполне вероятно, что «Зелеными сватами» именовали какой-либо из троицких обычаев, так как Троицу нередко в среде поляков называли «Зеленые Святки».

В д. Тынгица в состав календарной обрядности включались как католические, так и православные праздники. Рождество здесь, например, праздновали 25 декабря («польское Рождество») и 7 января («Рождество»), Иван Купала отмечали по православному обычаю 7 июля. Вызывает интерес и упоминание в числе праздников «Пречистых» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1, л. 40]. К сожалению, информант не смог указать дату празднования, но из общего контекста повествования следует, что скорее всего это день Успения Пресвятой Богородицы, который принадлежит к 12 самым большим праздникам церковного года. Успение совпадает у католиков и православных (отмечается 15 августа по старому стилю, 28 августа — по новому) [Баранова].

В д. Поляки календарная обрядность была ориентирована на почитание св. Николая. «Важнее всего в Поляках были такие праздники, как Никола Зимний (19 декабря) и Никола Летний (22 мая)» [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 1]. Это были съезжие праздники, тесно связанные с семейной обрядностью и православием. Среди польского населения д. Поляки не получил распространения католический вариант включения дня св. Николая в рождественский цикл обрядов [Иванова-Бучатская, 2011, с. 17–22].

В д. Минск-Дворянск Тарского района Омской области наряду с воспоминаниями о праздновании католического Рождества встретилось упоминание о стрельбе на Пасху: «На Пасху в 12 часов ночи все выходили на улицу и начинали стрелять из ружей... накрывали столы и угощали гостей из Борисовки и Урозая» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1, л. 33 об.]. Подобные нетипичные для поляков действия были распространены в основном у восточно-славянского населения, как отражение архаичных воззрений о том, что злые духи боятся шума.

Таким образом, календарная обрядность демонстрирует нам ситуацию религиозного синкретизма, в котором католические нормы сочетаются с традициями православия и язычества.

Как уже отмечалось, в комплекс семейной обрядности включены также свадебные обряды, трансформация которых у поляков происходит с конца 1940-х гг. Большинство опрошенных нами потомков поляков в это время были детьми, но, говоря о свадебном обряде, чаще всего вспоминают, что «свадьбы особо не гуляли, время было послевоенное тяжелое». Только при дальнейших расспросах можно восстановить некоторые детали.

Подготовительным, досвадебным этапом было знакомство. Будущие супруги часто приглядывали себе пару во время съезжих (иногда их называли «гулевыми») праздников. Такой сценарий был характерен не только для поляков, встречается он в воспоминаниях белорусов, украинцев, русских. Иногда знакомились во время игр и танцев. «Танцевали по воскресеньям в конторе, ходили туда после 20 лет, в 16–20 лет только смотрели... молодые сильно не ходили» [Там же, 2011, п.о. 1, л. 9]. Интересно, что, в отличие от белорусов и русских, польская молодежь не ходила на вечерки.

Следующим этапом было сватовство. В источниках встречаются разные варианты описаний этого события, но почти во всех, до того как свататься, будущий жених спрашивает согласие невесты: «Три года встречались до брака. В феврале сказал: “приду свататься, не откажи”... пришли в девятом часу, пришли свекорь, дочь его старшая от другой жены и жених... мать испекла калачики, на стол собрали... меня за шкирку и сюда привели, потом вечер собрали» [Там же, л. 8 об.–9]. «Три свата с женами было и родители жениха... перед сватовством невесту спрашивали, чтоб не отказала... меня мой муж целый день сидел, уговаривал замуж выйти» [Там же, 2012, п.о. 1, л. 35 об.].

Добровольным характером вступления в брак поляки отличались от белорусского населения некоторых районов Западной Сибири, в среде которого решающую роль играло мнение родителей. Одна из жительниц с. Колбаса Кыштовского района Новосибирской области вспоминала, что в своем стремлении выдать замуж/женить нередко они (родители. — *И. Ч.*) шли на различные ухищрения. Например, в Колбасе распространенной была практика обмана будущих

супругов на этапе сватовства: «вот если в семье сын какой “дурачок”, или бедненький, или страшный, то свататься вели другого — здорового, красивого... Потом невеста давала согласие, привозили ее после свадьбы домой к себе, и там уже показывали настоящего жениха... Соседку мою так замуж выдали... Ох, намучилась она» [Там же, п.о. 1].

Между сватовством и свадьбой обычно проходил месяц. Это время отводилось на непосредственную подготовку к мероприятию — ставили самогон, брагу, варили солод, делали колбасу, жених и невеста готовили костюмы. Приданое невеста готовила заранее, в него входили перина, постельные принадлежности, шторы, белье. О размере и составе приданого договаривались заранее.

Свадьбу гуляли 2, иногда 3–4 дня. В свадебной обрядности поляков обнаруживается много параллелей с белорусскими и украинскими традициями. Речь идет прежде всего о раздельном праздновании свадьбы родней жениха и невесты. «Гуляли сначала в доме невесты, на следующий день — в доме жениха» [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 5, л. 10; п.о. 13, л. 10–11].

Из сохранившихся польских обычаев следует отметить наличие венка у невесты, причем венок делали из «оранжевых и красных бумажных цветочков», а не из белых, как это распространилось позднее. Наряд к свадьбе, фату и венок делали невеста и дружки.

Важным элементом свадьбы, отраженным в полевых материалах, является приглашение духового оркестра: «Первый раз вышла замуж в 20 лет, в семье было 4 дочери... все удивлялись, что семья бедная, а свадьба была большая, с духовым оркестром» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1, л. 35, 37 об.; 2013, п.о. 1]. Этот сюжет встречается и в историко-этнографических описаниях польской культуры XIX в. «Шествие открывают трубачи и другие музыканты. Музыка составляет такую необходимую принадлежность свадьбы, что без нее не обходится, бедные занимают деньги для того, чтобы заплатить музыкантам» [Народы России..., 1878, с. 60].

После свадьбы молодые обычно жили какое-то время с родителями жениха, что подтверждают и данные похозяйственных книг, фиксирующие наличие неразделенных семей в дд. Поляки, Гриневичи, Тынгица, с. Пихтовка в 1930–1950-х гг. Иногда фиксировались случаи, когда жених «шел в примаки», в хозяйство/семью невесты. Но они были единичны, так как примачество в среде поляков осуждается до сих пор. Отношение к данному явлению ярко иллюстрирует поговорка, записанная в с. Белосток Кривошеинского района Томской области: «Доля примачья — доля собачья!» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1].

Переход из категории девушки в разряд замужней женщины обозначался изменением прически: «девушки заплетали две косы, а после замужества надевали платок и соединяли свои две косы наверху в одну» [Там же; МЭЭ ОмГУ 2013, п.о. 1]. Указанная особенность описана и в литературе: «Девушки заплетают волосы в две косы, которые ниспадают по плечам; конца кос украшены лентами» [Народы России..., 1878, с. 37]. Подтверждают это и фото. На нескольких фотографиях четко видна обозначенная разница между незамужними девушками и замужними женщинами. Этот способ маркирования нового статуса был связан исключительно с изменениями, происходящими в результате замужества: на одной из фотографий изображена мать одного из наших информаторов после рождения ребенка, но с девичьими двумя косами, так как замужем она не была.

Со сферой семейной обрядности была тесно связана и материальная культура. Она формировалась под воздействием нескольких факторов, среди которых определяющими были природно-географические условия, этносоциальный состав окружения и государственная политика в области трансформации хозяйства и перераспределения миграционных потоков.

В исследовательской литературе достаточно представлен массив данных о той части вынужденных переселенцев-поляков конца XIX — начала XX в., которая осела в городах. В числе наиболее привлекательных для польского сообщества экономических ниш выделяют земледелие, торговлю, обработку материалов и сферу услуг [Мулина, 2012; Шайдуров, 2013].

При характеристике бытовых условий и хозяйства информанты часто используют такую категорию, как «зажиточность», объясняя это следующим образом: «кто хотел и умел работать, те и жили хорошо всегда». Особенно выделяется обозначенная категория в воспоминаниях о 1930–1940-х гг.

«У моей матери был сепаратор, со всей деревни ходили молоко сепарировать», — делятся с нами жители д. Тынгица Кыштовского района Новосибирской области и переселенцы из д. Зеленый Гай Красноармейского района Кокчетавской области [МЭЭ ОмГУ 2013, П.о. 1; 2012, п.о. 1, л. 35]. Или, как вспоминает один из наших информантов: «Мама хорошо ткала, покупала у тряпичников краски... были одеяла... всем девкам по 2 одеяла шерстяных подарила, много ска-

О некоторых особенностях культуры польских переселенцев Западной Сибири в XX в.

тертей — вязаных и льняных» [Там же, л. 30]. Жители с. Слобода Знаменского района Омской области отмечают: «полячкие всегда жили дружно, своих никогда не выдавали и даже в голодные годы там от голода никто не умирал». Вспоминались даже курьезы, например, дочь председателя колхоза в д. Поляки рассказывала: «Придет отцу разрядка по кулакам, соберут собрание и начинают решать, кого назначить кулаком в этот раз» [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 1].

Анализ данных похозяйственных книг позволяет выделить несколько хозяйственных комплексов, существовавших в разные периоды. В XIX — начале XX в. это было личное подворье. Применительно к этому периоду его можно подробно охарактеризовать, проанализировав документы имущественного учета переселенцев д. Минск-Дворянск Тарского района Омской области [РГИА, ф. 391. оп. 2, д. 1035]. Как следует из переселенческого списка, в 1903 г. казенную землю арендовали 8 хозяйств, члены которых принадлежали к дворянскому сословию, 1 хозяйство мещанина и 1 — крестьянское. Половина из них была образована в 1891 г., остальные — в промежутке между 1894–1897 гг. К моменту создания документа на каждом подворье были жилое помещение, гумно, амбар, овчарник, пригоны и огороды. Бани были в 50 % хозяйств, а навесы и сараи — лишь у 20 % хозяев [Там же]. Хозяйство базировалось на сочетании зернового сельскохозяйственного производства и животноводства. Набор культур в 1903 г. включал в себя лишь озимые: рожь и овес, только в одном хозяйстве есть запись о посевах пшеницы [Там же]. Держали скот — коров, лошадей, овец, свиней. В источнике содержится и перечень хозяйственного инвентаря, наличествующего в каждом хозяйстве: плуги, бороны, телеги, сани, упряжь и сибирская соха [Там же]. Стоимость и состав имущества при этом увеличивались в зависимости от давности проживания и состава семей. Например, хозяйство Адама Антоневиича, приехавшего в 1891 г. и проживающего совместно с женой и семьями двух сыновей, оценивалось в 1622 руб. Наименьшая стоимость в 310 руб. была у хозяйства А.К. Лукашевича, водворившегося в 1896 г. [Там же].

Помимо состава семьи и длительности проживания, на материальную культуру поляков в Западной Сибири влияли природно-географические условия. Прежде всего они наложили отпечаток на усадебный комплекс. В северных районах, богатых лесом, переселенцы сразу начали строить деревянные дома, используя в качестве основного строительного материала сосну [Латыпова, 2011, с. 55–57; Поляки..., 2009; Чернова, 2013]. Взглянуть со стороны на технологию домостроительства позволяют воспоминания А.И. Цветаевой, которая выделяет главное отличие сибирских домов, продиктованное природными условиями, — завалинку: «В полметра ширины обходит под полом классически сделанная завалинка (победит даже память о страшной зиме у хозяина, где на полу, на мешке с соломой меж Тониным и моим топчаном бывало 50 мороза!)» [1988, с. 107].

Группа спецпереселенцев выделяется на этом фоне рядом особенностей: традиции строительства им переходилось перенимать у местного населения. Они своими силами обустроили часть поселков, потому что к их приезду не успели подготовить дома [Там же, с. 88]. Подобный вариант ранее был реализован, например, в спецпоселках на территории Тюменского севера [МЭЭ ОмГУ 2003, п.о. 4, л. 15–16 об.].

В южных (степных) районах бытовал иной тип жилища — информанты вспоминают, что их родители и они сами «жили в землянках» либо «строили “саманки”» [Там же, 2012, п.о. 1, л. 37]. Технология их строительства заимствовалась у местного населения и у других групп переселенцев.

Несмотря на различные варианты жилищ, для большинства населенных пунктов в Сибири характерна линейная застройка — дома располагались вдоль дороги фасадами к улице. В д. Деспотзиновка Саргатского района Омской области, например, была одна улица. На характер застройки здесь повлияла близость оз. Тобол-Кушлы — Деспотзиновка выстроена вдоль его берега. Линейная застройка фиксируется и в д. Тынгица Кыштовского района Новосибирской области. По словам одного из наших информантов, «в 1961 г. здесь было более 100 домов и 2 улицы» [Там же, 2012, п.о. 1, л. 40 об.]. Подобная застройка свидетельствовала об адаптации польских переселенцев к сибирским условиям, так как традиционной для поляков все же являлась радиальная планировка населенных пунктов.

Происходили изменения и в системе хозяйства. Наибольшее влияние на личное и общественное производство оказала война. Результатом ее воздействия стало сокращение размеров личных подсобных хозяйств, трансформация состава и величины пахотных участков. Сельскохозяйственный комплекс в личном производстве переориентировался с зерновых культур на технические и овощные, уменьшилось количество скота [Чернова, 2013].

С другой стороны, в сравнении с периодом конца XIX — начала XX в. документы фиксируют расширение перечня культур в составе посевов на приусадебных участках. Так, в 1940–1950-х гг. в Тынгизе в 80 % польских хозяйств выращивали ячмень (0,03–0,04 га в среднем), коноплю (0,02 га), лен (0,02–0,04 га), овощи (0,01 га), корнеплоды (0,01 га), картофель (от 0,15 до 0,5 га) [ОАС Кыштовского района НСО, ф. 18. оп. 3]. Информанты вспоминают, что «садили много репы, капусты, а вот картофель плохо уродился, пока не завезли «мичурку», только после этого урожаи стали более-менее» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1].

Таким образом, можно констатировать, что в хозяйстве польских переселенцев произошла унификация, в нем обнаруживалось много сходных черт с хозяйственной сферой других групп (переселенческих и старожильческих). Однако поляки-спецпереселенцы, судя по всему, адаптировались «поневоле», под воздействием внешних обстоятельств [Цветаева, 1988, с. 89].

Несмотря на сложности в хозяйственно-бытовой сфере, благодаря высокому уровню грамотности, в том числе среди женщин, наличию опыта в несельскохозяйственных областях их труд был востребованным. Так, например, в с. Пихтовка Колыванского района Новосибирской области из 56 поляков, упомянутых в музейных и архивных материалах, у семерых было среднее и высшее образование. Помимо рядовых колхозников в списках значились представители таких профессий, как: сапожник, учитель (3 чел.), медсестра (2 чел.), кузнец, бухгалтер, завгар, фельдшер, была даже актриса [Колыванский историко-краеведческий музей, р III, п-56]. В д. Гриневичи в 1940 г. среди поляков были: кузнец (2 чел., судя по личным данным — дядя и племянник. — *И. Ч.*), портной, конюх, плотник (2 чел.), сапожник и счетовод [ТФ ИсаОО, ф. 512, оп. 1, д. 8, л. 65 об.–89].

Польское население Западной Сибири сохраняло и транслировало национальные черты также в традиционной пище: среди традиционных блюд назывались кровяная колбаса, колбаса, начиненная рисом, закрытые пироги с капустой и курицей, копченое свиное мясо, тушенная в печи курица с капустой, пирожки с черемухой [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1]. В Деспотзиновке, например, информанты вспомнили о приготовлении клёцок с маком на Рождество и воловьего желудка на Пасху [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 1, л. 10–11 об.]. Встретились нам рассказы и о том, как в семье «запекали целый окорок в печи... поросенка или курицу шпиговали начинкой и также запекали...» [Там же, 2012, п.о. 1, л. 33 об.]. Один из наших информантов, рассказывая о пище, отметил, что готовили в основном свинину: «говядину не ели» [Там же, л. 40].

В Северном Казахстане, где поляки оказались в окружении более близких им немцев, традиционные элементы в пище сохранились лучше. В источниках упоминаются некоторые блюда, не встречающиеся у польского населения Западной Сибири. Среди них: «струдели» — «завернутые сладкие пироги (типа рулета) с молотыми яблоками; «сальтисон/сальцесон» — мясо, соленое в желудке, добавляли туда перец, соль, лавровый лист... повесят и летом по кусочкам резали»; «томленная в печке гречка, которой предварительно в сыром виде фаршировали широкие кишки», и жаренная с луком свиная кровь» [Там же, л. 36; Там же, 2013, п.о. 1].

Завершая характеристику традиционной культуры поляков в Западной Сибири, отметим, что трансляция этнокультурных черт начиная с 1950-х гг. происходит на русском языке, польский язык сохраняется на уровне обозначения отдельных бытовых предметов и явлений. Несмотря на антирелигиозную государственную политику, в процессах адаптации важную роль сохраняет католичество, выступающее в качестве одного из маркеров польской культуры в Западной Сибири. Материальная культура поляков в Сибири демонстрирует большую гибкость под воздействием внешних обстоятельств. На всем протяжении исследуемого периода материальная составляющая позволяла удовлетворять практически все возникающие потребности. Самобытные черты сохраняются в основном в пище.

Внутри польской культуры в Сибири мы наблюдаем процессы аккультурации с одновременной трансляцией традиционных элементов. Они отражаются в основном в комплексе семейной обрядности: во внешних атрибутах погребальной обрядности, в категориях, связанных с внутрисемейными отношениями, а также в праздничной обрядности. Этнографические материалы подтверждают, что основным центром социализации, интеграции и трансляции культуры была семья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баранова О.Г. Успение Богородицы // Российский этнографический музей: Календарные народные праздники и обряды. Весенне-летние праздники и обряды [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ethnomuseum.ru/section62/2092/2089/4282.htm>.

О некоторых особенностях культуры польских переселенцев Западной Сибири в XX в.

Восток России: Миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.

Иванова-Бучатская Ю.В. Немецкое Рождество: Традиционные компоненты, предметы и символы в лекциях и архивных материалах МАЭ // Культурное наследие народов Европы. СПб.: Наука, 2011. С. 8–92.

Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки: Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг. М.: Росспэн, 2010. 327 с.

Крих А.А. Белорусы, русские или поляки? К вопросу об этнической идентификации населения в Сибири // Сайт кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=981>.

Крих А.А. История и этническая идентичность поляков деревни Деспотзиновки // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития. Омск: Наука, 2012. Ч. 1. С. 401–404.

Крих А.А., Скуратович И.В. Судьба польских дворян в Сибири: смена этнической идентичности (на примере Скуратович) // Сайт кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=871>.

Латыпова В.В. Поляки на Южном Урале (вторая половина XIX — XX век): Добровольная миграция. Уфа: БашГУ, 2011. 84 с.

Масленников А.В. Римско-католическая церковь в Сибири: Проблемы и реформы в начале XX века // Вестн. ТГУ. 2003. № 276. С. 140–147.

Мулина С.А. Мигранты поневоле: Адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 г. в Западной Сибири. СПб.: Алетейя, 2012. 200 с.

Назимко А. Деревня детства моего // Правда Севера. Б/н.

Народы России: Белорусы и поляки: Историко-этнографическое описание. СПб.: Досу́г и Дѣло, 1878. 68 с.

Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии / А.В. Черных и др. СПб.: Маматов, 2009. 160 с.

Смирнова Т.Б. Обычай венчания покойников у немцев Сибири // ЭО. 2008. № 5. С. 133–144.

Цветаева А.И. Моя Сибирь: Повести. М.: Сов. писатель, 1988. 288 с.

Чернова И.В. Материальная культура поляков Омского Прииртышья начала 1920 — 1970-х годов XX века // Культурологические исследования в Сибири [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=363>.

Шайдунов В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX — начала XX в. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. 260 с.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
volokhina@rambler.ru

Basing of field ethnographic materials and household books of Village Councils from certain areas of Omsk, Novosibirsk and Tomsk Oblast, subject to a description being certain elements of material and spiritual culture with Polish population from West Siberia, the extent and reasons of their preservation / transformation under social-and-cultural and economic adaptation of the Polish migrants to Siberian conditions throughout XX c.

Poles of West Siberia, material and spiritual culture, economy, adaptation.